

Марина
Степнова

—
СТРАННЫЕ
ЖЕНЩИНЫ
—

Марина
Степнова

Сад

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Художник Владимир Мачинский

Издательство благодарит литературное агентство
“Banke, Gouten & Smirnova” за содействие в приобретении прав

Степнова, Марина Львовна.

С79 Сад : роман / Марина Степнова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 412, [4] с. — (Марина Степнова: странные женщины).

ISBN 978-5-17-118995-2

“Сад” — новый роман Марины Степновой, автора бестселлера “Женщины Лазаря” (премия “Большая книга”), романов “Хирург”, “Безбожный переулочек” и сборника “Где-то под Гроссето”.

Середина девятнадцатого века. У князя и княгини Борятинских рождается поздний и никем не жданный ребенок — девочка, которая буквально разваливает семью, прежде казавшуюся идеальной. Туся с самого начала не такая, как все. В строгих рамках общества, полного условностей, когда любой в первую очередь принадлежит роду, а не себе самому, она ведет себя как абсолютно — ненормально даже — независимый человек. Сама принимает решения — когда родиться и когда заговорить. Как вести себя, чем увлекаться, кого любить или ненавидеть. История о том, как трудно быть свободным человеком в несвободном мире.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118995-2

© Степнова М.Л.
© ООО “Издательство АСТ”

Оглавление

Глава первая

Мать

9

Глава вторая

Отец

94

Глава третья

Дочь

134

Глава четвертая

Брат

230

Глава пятая

Сын

316

хапуртс о и еклоп, хацирк, ехум, ебаж,
итсовиргзов или ежебревс о,
алытом шиненемако и шинетсугаз о,
етсорок или хядулеши о, хазележ о,
елшак и еьшуду бо, ебуз мьчлов О

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мать

Что за прелесть эта Наташа! Надежда Александровна погладила книгу маленькой крепкой рукой и даже зажмурилась от удовольствия. Переплет был кожаный, теплый — все книги в доме Борятинских, включая только что вышедшие, переплетались заново, причем кожу заказывали специально во Флоренции — тонкую, коричневатую, с нежным живым подпалом.

И не жалко тебе, матушка, итальянских коров на ерунду переводить? — посмеивался Владимир Анатольевич, все причуды супруги, впрочем, втайне одобрявший. Хозяйка она была прекрасная, дом, несмотря на сухую свою высокую иноземную родовитость (Надежда Александровна была урожденная фон Стенбок), вела на широкую русскую ногу и — главное — на двадцать пятом году супружества всё еще смеялась над шутками мужа.

Разве что книжки! Ох уж эти книжки!

Надежда Александровна не пропускала ни одной новинки ни на одном из трех известных ей языков (французский, немецкий, даже русский) — хотя, помилуй, голубушка, уж по-русски-то, кажется, вовсе нет никакого смысла читать! Под библиотеку в петербургском доме была отведена просторная двухсветная зала — хорошие люди в таких балы дают, а мы пыль по углам собираем.

Да что там Петербург, если в трех имениях от книг повернуться было негде, а теперь вот и четвертое стремительно захламлялось, и Надежда Александровна, весной только подписавшая купчую на земли и дом в Анне, начала обустройство новой усадьбы именно с библиотеки, и уже подумывала, не выписать ли сюда на время скучного немецкого юношу с созвездием крошечных ярких прыщей на лбу, фамилию которого никто так и не удосужился запомнить. Юноша ведал петербургской библиотекой Борятинских и два раза в месяц появлялся в доме, тихо поскрипывая подошвами и далеко, на отлете, держа красноватые, лютеранские, до глупости честные руки. Он вел каталог, выписывал по указанию хозяйки и своему разумению книжные диковины и новинки и был тихо, никому не приметно, но почти до помешательства влюблен в Надежду Александровну, с которой едва ли сказал десяток слов.

Однажды, ошибившись дверью, он застал врасплох в тесной, душной, простеганной шелком и жаром комнатке ее бальные туфли, маленькие, совсем

розовые внутри, и едва не потерял сознание от страсти и счастья, так что и три года спустя, умирая от чихотки, всё видел перед собой станцованные почти до дыр нежные подошвы и бормотал — туфельки, туфельки, — пока всё не перепуталось наконец, пока не закончилось, пока не отпустила эта жизнь, эта мука...

Россия, Лета, Лорелея.

Он так и не узнал, что туфельки были даже не Надежды Александровны, а одной из ее многочисленных кружевных племянниц — семья была громадно большая, громадно богатая, пронизавшая полнокровной кровеносной сетью родни всё тогдашнее российское мироустройство.

Надежде Александровне хотели доложить, что бедолага-библиотекарь скончался, — и позабыли.

...А? Что про коров-то скажешь, матушка? Неужто не жалко?

Оставь, — отмахнулась Надежда Александровна беззлобно. — Дались тебе эти коровы. Все равно на бистеки пойдут. Лучше почитай — ну такая прелесть, что даже и рассказать нельзя!

Владимир Анатольевич с сомнением покосился на последнюю книжку “Войны и мира”, вышедшую вот только что — в 1869 году. Граф Лев Николаевич Толстой был, безусловно, хорошего рода и отлично показал себя на военной службе, что с точки зрения Борятинского, князя и генерал-фельдмаршала, являлось бесспорным достоинством, но зачем же, будучи порядочным человеком, строчить романчики, да еще их потом публиковать! Нет, негоже лилиям

прясть, Наденька, так что избавь меня, будь любезна, от своих излиятий.

Загребая ногами, подошла девка, впопыхах, до приезда Танюшки, определенная Надеждой Александровной в горничные девушки, спросила, не поднимая глаз, куда прикажут подавать чай — как будто неясно было, что вечером в июле чай пить следовало только в саду. И, пожалуйста, велите подать свежей малины. Девка, задастая, рябая, некрасивая, услышав непривычное “вы”, дернулась, словно ее хлестнули по крепким ногам крапивой, и, все так же не поднимая глаз, ушла. Надежда Александровна, привыкшая к тому, что в Петербурге императрицу, с которой она была очень дружна, можно и нужно было звать “Машенька” и “ты”, а швейцара — также можно и нужно — “вы, Афанасий Григорьевич”, вздохнула. Завиток девичьего винограда прелестно рифмовался с завитком на столбике беседки, тоже совершенно прелестной, но не крашенной слишком давно, чтобы этого нельзя было не заметить. Народ в свежкупленной Анне поражал своим невежеством и ленью. Ленью и невежеством. Как везде.

Школу бы тут надо открыть, — сказала Надежда Александровна.

Пороть куда надежнее, — здраво возразил Владимир Анатольевич и немедленно был назначен крепостником и троглодитом. Томик Толстого, повинувшись Надежде Александровне, подвинулся к Борятинскому еще на пару сантиметров, и вслед за ним покорно переползло по скатерти уплывающее к лесу воронежское солнце. Пахло скошенной травой, не-

давно политыми клумбами, и, перебивая всё, властно наплывал тягучий, бледный аромат табака и влажной маттиолы.

Вернулась девка и доложила, что малины нету. Надежда Александровна возмутилась. Имение в Анне было куплено не в последнюю очередь из-за роскошных садов. Прежняя хозяйка, предпочитавшая во всем научный подход и даже имевшая обширную переписку со знаменитыми сестрицами-ботаничками Сарой Мэри и Элизабет Фиттон, развела на жирных воронежских землях такие невиданные кущи, что Надежда Александровна, падкая до всего необычного и красивого, заплатила наследникам отлетевшей в подлинные райские сады старушки, сколько просили, не торгуясь. Правда, огромная садовая земляника, вызревавшая в оранжереях к Рождеству, и розовые, пахнущие корицей груши сразу после покупки оказались уклончивым преданием, но уж малина! Ее-то каким ветром унесло?

Совсем нет? — уточнила Надежда Александровна, и в голосе ее, на самом дне, зазвенела, отливая в синеву, тонкая немецкая сталь. Девка угрюмо кивнула. Совсем. А куда же делась? Девка молчала, опустив голову. Пороть, пороть и только пороть! — весело под сказал Борятинский, к малине и прочей бессмысленной флоре совершенно равнодушный. То ли дело хороший ростбиф.

Надежда Александровна встала, зацепив юбкой стул, дернула, еще дернула, затрещала дорогим кружевом, собранным в прихотливые фестоны. Девка зыркнула испуганно и опустила голову еще ниже.

Платок на ней сбился так, что видна была круглая, смазанная лампадным маслом макушка. Очень детская. Маковка, — вдруг вспомнила Надежда Александровна чудесное и тоже очень детское слово. Няня так говорила.

Дай-ка я тебя, ласточка, в маковку поцелую.

Пусть, ступайте, — распорядилась Надежда Александровна, коря себя за гневливость. Вольтера читать, “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта” осенними листьями закладывать! И выходить из себя из-за какой-то малины!

Девка, ровным счетом ничего не понявшая, ушла — порка, как, впрочем, и ласка не могли произвести на нее никакого впечатления. Ей вообще было все равно — в самом страшном, самом русском смысле этого нехитрого выражения. То есть действительно: все — равно. Лишь бы войны не было да лето уродилось. И на каменное это, безнадежное “все равно” невозможно было повлиять никакими революциями, реформами или нравственными усилиями хороших и честных людей, которые век за веком чувствовали себя виноватыми только потому, что умели мыслить и страдать сразу на нескольких языках да ежедневно дочиста мыли шею и руки.

Надежда Александровна поняла, что сейчас додумается до чего-нибудь по-настоящему крамольного — вроде того, что русский народ, этот страдалец и горемыка, вовсе не нуждается в какой-то особой, дополнительной любви и уж тем более в любви ее собственной, потому махнула рукой и пошла по дорожке к ягоднику. Гравий крупно похрустывал под

ногами, из недалекой кухни пахло отдыхающим под полотенцем пирогом, и Надежда Александровна вдруг почувствовала, что проголодалась — как в детстве — и что, как в детстве же, совершенно счастлива — остро, сиюминутно, до веселой щекотки под коленками.

Что-то слишком много на сегодня детства, подивилась она, и уже в огромном, пронизанном медным закатным солнцем саду поняла — почему.

Вокруг был праздник — нескончаемый, щедрый, торжествующий. Сочная, почти первобытная зелень перла отовсюду, кудрявилась, завивалась в петли, топорщила неистовые махры. Надежда Александровна физически чувствовала вокруг тихое неостановимое движение: сонное пчелиное гудение, комариный стон, ход соков в невидимых прочных жилах, лопотание листьев и даже тонкий, натужный писк, с которым раздвигали землю бледные молодые стрелки будущих растений. Гельдерлин, которого она так любила, бедный, бедный, сорок из отпущенных ему семидесяти трех лет проведший под многокилометровой толщей прозрачного германского безумия, назвал бы этот сад гимном божественным силам природы. Но, конечно, никакой это был не гимн — просто гул нормально функционирующего организма, полного тайных и явных звуков, которые неприличными осмелился бы назвать только самый безнадежный ханжа.

Малина просительно потянула Борятинскую за подол, и Надежда Александровна мягко, как руку, отвела длинную ветку — тугую, покрытую микроско-